

Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля / пер. Б.А. Фохта, А.Г. Вачештова, публик. и вступ. ст. М.Р. Демина; под общ. ред. Н.А. Дмитриевой, – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 336 с.*

Публикация перевода русского философа Фохта немецкого автора, переводчика и комментатора логических сочинений Аристотеля состоялась как минимум с третьего раза. Это не удалось самому отечественному переводчику в 30–40-е годы прошлого века, это не удалось в конце прошлого века, и все же публикация состоялась, и в этом большая заслуга целого коллектива людей, сохранивших рукописи перевода и подготовивших их к публикации, снабдив обширными комментариями и предисловием. В истории перевода и истории публикации перевода заключена история гуманитарной мысли двух стран: России и Германии, и без контекста этой истории читателю трудно понять актуальность подобной публикации сегодня. И действительно, из трех имен, которые фигурируют в заглавии текста – Фохт, Тренделенбург, Аристотель – известно только имя Аристотеля, про два других даже специалисты мало, что могут сказать. Еще больше вопросов возникает по поводу их научной связи, причин обращения немецкого философа к логическим рассуждениям античного автора, а русского мыслителя – к тому, что в итоге данного обращения у немецкого философа получилось. Надо отдать должное составителю и редактору книги, которые прекрасно осознавали возможность таких вопросов и поэтому снабдили книгу объемным предисловием и обширными комментариями, проливающими свет на эти вопросы читателей.

Интерес к Аристотелю неслучайно объединил русского и немецкого философа. И Борис Фохт, и Адольф Тренделенбург были преподавателями логики в различных учебных заведениях, но вот публикация пропедевтического варианта логических сочинений античного автора, да еще с отрывками на древнегреческом языке требует дополнительного объяснения. И они развернутым образом даны во вступительной статье. Именно этот факт послужил автору вступительной статьи основанием для включения рассмотрения истории логики и философии в более широкий контекст, связанный с историей среднего и высшего образования и в целом с историей развития гуманитарной мысли в Германии и России на протяжении нескольких веков. Такая необходимость продиктована еще и тем замечательным фактом, что текст Тренделенбурга с фрагментами Аристотеля на древнегреческом языке и собственным переводом их на латинский с филологическими комментариями, впервые изданный в 1836 г., затем выдержал еще девять изданий (последнее в 1892 г.). Ну и самым, быть может, удивительным фактом является то, что этот текст предназначался не для высшей, но для средней школы и стал в XIX в., по утверждению автора вступительной статьи, «самым популярным учебником по философии в прусских гимназиях» (с. 8).

* Поступила в редакцию: 10.03.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-2-8

© Белов В.Н., Тетюев Л.И., 2017

Набор таких фактов может свидетельствовать только о том, что среднее и высшее образование в Германии в XIX в. находилось на таком уровне, о котором современному российскому образованию можно только мечтать. Современному, но не дореволюционному. Для выпускника Первой московской гимназии Бориса Фохта, где преподавались и логика, и древние языки, обращение к переводу такого образцового учебника по логике для средней школы было вполне объяснимым моментом.

Кроме того, наличие такого текста Тренделенбурга и его признание в качестве основного учебника по философии показательно и в методологическом плане. Это свидетельство того, что ученики старших классов гимназии и студенты университета должны были не только знать древние языки, но и имели возможность самостоятельно анализировать философские тексты и делать выводы. То есть через такого рода учебники могла реализовываться классическая модель университетского образования гумбольтовского образца, когда обучение сочетается с самостоятельным исследовательским творчеством студентов.

Еще одним, кроме Аристотеля, именем, объединившем интересы и русского, и немецкого авторов, которое всего лишь один раз встречается в комментарии Фохта, но присутствие которого несомненно, является имя основоположника марбургской школы неокантианства Германа Когена. Марбургский философ учился у Адольфа Тренделенбурга и стал учителем Бориса Фохта, благодарную память о котором тот сохранил на всю свою жизнь. Что касается влияния Тренделенбурга на Когена, то оно сказалось прежде всего в пробуждении у будущего основоположника неокантианства интереса к кантовской философии. Неслучайно первой серьезной почти пятидесятистраничной работой Когена, предвещающей его фундаментальные исследования кантовской философии, стала статья о споре между Тренделенбургом и Куно Фишером по поводу того, являются ли пространство и время в учении Канта чем-то субъективным или объективным. Другим моментом влияния Тренделенбурга на Когена стал характер первых интерпретационных работ марбургского философа о Канте. Они явно носят отпечаток филолого-философских штудий Тренделенбурга о логических сочинениях Аристотеля.

Интерпретация логики — своего рода историческая реконструкция логического проекта, где античный философ представлен как собственный соавтор. Неудивительно, что многие логики позднее воспринимали работу Тренделенбурга лишь как компиляцию, другие, правда, считали ее образцовой пропедевтикой к занятиям по философии. И все же заслуга немецкого философа в систематике аристотелевской логики была велика. Тренделенбург тщательно излагает учение Аристотеля об истинности и ложности суждения, о качестве (утвердительных и отрицательных) и количестве суждений, то есть об отношении суждения к общему, частному или единичному, об их модальности. Важнейший принцип противоречия выражается как принцип действия реального, определенность представляет собой негласное условие в познании, поэтому он носит субъективный характер и идет от познающего. В косвенном доказательстве Тренделенбург прибегает к сравнению с доказательствами, изложенными в «Элементах» Евклида (с. 124, 126–133).

Для Тренделенбурга логика Аристотеля тесно связана с метафизикой, поскольку в категориях как логических формах присутствуют онтологиче-

ские законы и отношения. Аристотелевская логика наделена общефилософским, метафизическим основанием: категории одновременно и логические, и грамматические, и реальные характеристики бытия. Истина есть соответствие мыслимого с действительным отношением самих вещей. Суждение ложно, если в нем субъекту приписывается предикат, который ему не принадлежит, или несуществующее определяется как существующее (с. 115–120). Тренделенбург настаивает на строгом разграничении категорий Аристотеля от онтологических принципов: категории — высшие родовые понятия, и они относятся не к онтологии, а к логике.

В отличие от своих современников-логиков Риттера и Целлера, Тренделенбург опирается на объединенную формулировку законов противоречия и тождества, ссылаясь на «Метафизику» (IV, 3,1005b 19–25; 1011b 15–23; 1012a 26; IV, 7, 10011b 20–25) Аристотеля. В «Первой Аналитике» для него очевидным становится истинность законов логики, которые имеют сходство с законами самого бытия (I. 32. 47a 8). И все же из текста книги видно (с. 138–139, 142–147), что в формулировке закон противоречия выходит на первый план как закон всех законов логики в отличие от закона тождества, как это принято толковать в нашей отечественной литературе. В рецензированном нами издании отсылка идет к немецкому тому на греческом языке, изданному в 1831 г. Вдумчивый читатель сразу заметит некоторые несоответствия в русском переводе тех мест, которые принято цитировать по академическому изданию Аристотеля. Расхождения встречаются существенные, и это невольно втягивает читателя в творческий процесс сравнительного анализа, поиска собственного смысла прочитанного. Тренделенбург в интерпретации аристотелевской логики утверждает одно преимущество: невозможно оставаться в границах формальной логики. Идея аристотелевской силлогистики опирается на силлогизмы с посылками трех модусов модальности: на суждение действительности, или суждение необходимости, или суждение возможности. Но, как и Кант, Тренделенбург считает, что совершенными являются силлогизмы первой фигуры. Вопрос о принципе деления силлогизмов на фигуры самый спорный во всей истории логики. Тренделенбург отстаивает мнение, что замысел Аристотеля был не до конца реализован, поскольку имеет не только логический, но и онтологический, метафизический, смысл — определение места терминов в общей иерархии понятий вообще.

Логические изыскания Адольфа Тренделенбурга нашли поддержку и в среде русских историков логики. Взгляд на логику Аристотеля разделял, например, Е. А. Бобров. Как и Тренделенбург, он считал, что логика как наука закладывается сочинениями Аристотеля, то есть разработанной им философской и логической терминологией. А последующее развитие формального направления в логике оба воспринимали как отклонение от логических построений Аристотеля.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что престиж страны, качество ее экономического и политического потенциала зависят от характера образования, от реализации той стратегии в системе среднего и высшего образования, которая видит и перспективы, а не только откликается на насущные проблемы повседневности.

И еще одно заключительное размышление, на которое наталкивает данная книга: какие бы сложные периоды в своей истории философия не переживала, интерес к ней не исчезал никогда, всегда черная полоса сме-

нялась светлой, и поэтому крепка надежда на то, что сегодняшнее бедственное, по-другому и не назовешь, ее положение в скором будущем изменится на достойное ее многовековой истории, а философы вновь станут властителями дум своего поколения.

В. Н. Белов, Л. И. Тетюев

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КАРИНСКИЙ: ФИЛОСОФ, ЛОГИК, УЧЕНЫЙ*

Рецензия на монографию А. В. Шевцова «М. И. Каринский и русская гносеология конца XIX — начала XX века». — М. : Мир философии, 2017. — 303 с.

В настоящее время наблюдается значительный рост общественного и научного интереса к истории отечественной мысли, особенно к тем периодам, проблемам и персоналиям, которые изучены недостаточно. Во времена цивилизационных сдвигов в обществе повышается интерес к тем духовным и теоретическим вопросам, которые составляют основы цивилизации. Роль и значение истории русской философии в этом контексте трудно переоценить, ибо она решает задачу «историко-философского осмысления», исследования корней и специфики отечественной цивилизации. Из этого вытекает стремление к раскрытию внутреннего единства русской философии путем исследования разнообразных явлений русской философской мысли.

Эта задача представляется особенно актуальной в связи с тем, что в последние десятилетия в исследовательской литературе превалировало идущее еще от В. В. Зеньковского убеждение в преобладании в истории русской философии онтологических, антропологических и историософских проблем. В рамках данной традиции сложилось распространенное до недавнего времени мнение о том, что вопросы теории познания для русской мысли были второстепенными¹. Однако реальная история русской философии, представляющей собой единство многообразия, отнюдь не исчерпывается историософскими и антропологическими идеями. Как показывает изучение феномена духовно-академической и университетской философии XIX — начала XX в., в России велись исследования во всех областях философии, в том числе, уделялось значительное внимание гносеологии и логике, а устремленность философской мысли России в целом имела критико-гносеологическую направленность².

Недооценка логико-гносеологического направления в русской философии успешно преодолевается в новейших историко-философских исследованиях, среди которых важное место по праву занимает вышедшая в свет в издательстве «Мир философии» в 2017 г. монография А. В. Шевцова

* Поступила в редакцию: 29.03.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-2-10

© Цвык И. В., 2017

¹ См.: Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 15–16.

² См.: Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003 ; Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в. М., 2002.